

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» *ВЫЗОВ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ?*

ДМИТРИЙ НОВИКОВ

Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия

КИРИЛЛ ГОРЕНКИН

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Резюме

Выдвинутый в 2015 г. проект Большого Евразийского партнёрства стал одной из ключевых российских инициатив по построению широкого, охватывающего значительную часть континента, регионализма. Начало специальной военной операции на Украине и углубление российско-западной конфронтации породили значительные структурные изменения в мировой и региональной системах. Серьёзные коррективы они вносят и во внешнюю политику России, её объективные возможности и субъективное восприятие её инициатив. Цель настоящего исследования — определение перспектив концепции Большой Евразии в свете меняющихся международных реалий 2015–2022 годов. В его рамках был проведён обзор условий, в которых евразийский регионализм развивался в рассматриваемый период; прослежено развитие концепции Большой Евразии в российском официальном и экспертном дискурсе, показано, как происходило идейное наполнение выдвинутой инициативы, то, как кристаллизовалась изначально широко трактуемая концепция; рассмотрены достижения в реализации концепции, среди которых наиболее выделяется дискурсивная экспансия на различных международных площадках (среди них не только продвигаемый Россией ЕАЭС, но и саммиты ШОС, и Россия–АСЕАН); рассмотрены наиболее острые проблемы, с которыми концепция столкнулась в связи с усилением конфронтации с западными странами, а также произошедшую в этих условиях эволюцию концепции Большой Евразии и подхода внешнеполитического руководства Российской Федерации к её продвижению. Для выполнения целей данного исследования авторы опирались на анализ высказываний публичных лиц России и других государств на международных мероприятиях и в публицистике, аналитических статей в научных журналах и прессе, официальных документов международных организаций. Основной вывод исследования состоит в констатации неоднозначности положения, в котором оказалась концепция Большой Евразии в условиях усиливающейся геополитической конфронтации и относительно скромных результатов её реализации в прошедшие годы. Вместе с тем авторы полагают, что к настоящему моменту ключевым достижением концепции Большой Евразии стала её дискурсивная экспансия и её международное признание на разных уровнях. Это может служить хорошей политической основой для её дальнейшего воплощения в условиях наблюдаемых структурных изменений.

Ключевые слова:

внешняя политика России; евразийский регионализм; Большая Евразия; международная безопасность; международное сообщество; ШОС; геостратегия

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.07.2023

Дата принятия к публикации: 15.12.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: dp.novikov@hse.ru

Выдвинутая в 2015 г. инициатива по построению Всеобъемлющего евразийского партнёрства¹ – Большой Евразии – стала одним из наиболее амбициозных внешнеполитических проектов России в 2010-х годах. Она подразумевает формирование политической и экономической общности в широком географическом пространстве крупнейшего континента мира. Создание такого пространства, по задумке Президента России, должно способствовать как укреплению мира и безопасности, так и интенсификации экономического сотрудничества между входящими в него государствами².

Начало в 2022 г. специальной военной операции на Украине и резкое обострение российско-западной конфронтации вызвали дискуссию о дальнейшем развитии партнёрства России и её ближайших соседей. В этих условиях не может не возникать вопрос и о перспективах наиболее масштабной инициативы по созданию Большой Евразии. Тем более что за ней стоит амбициозная цель – возглавить процесс развития евразийского регионализма, направив его в выгодную для России сторону.

Реализация этой цели и до начала СВО была сопряжена с немалыми трудностями. В ряду многочисленных инициатив российский проект Большой Евразии оказался далеко не единственной формулой евразийского регионализма. Свои концепции имеют практически все ключевые игроки континента: Россия, Китай, Япония, Республика Корея, Индия, страны Центральной Азии и АСЕАН, а также ЕС [Пути и пояса Евразии 2019]. Таким образом, с 2010-х годов в Евразии формируется своя «миска лапши» – подобно тому, как часто описывается аналогичная множественность

институтов и инициатив в Юго-Восточной Азии, состоящая не только и даже не столько из институтов и интеграционных форматов, сколько из идей, концепций и проектов. Её возникновение отражает растущую взаимозависимость между различными частями континента и попытки осмысления данного явления на экспертном и политическом уровнях. Данные обстоятельства позволяют трактовать развитие евразийского регионализма как объективный процесс, который не может просто сойти на нет под влиянием важных структурных перемен.

При этом российская инициатива обладала определённой спецификой. Инициативы других стран, которые можно отнести к корзине евразийского регионализма, концентрировались на создании объединяющей логики в целях развития физической инфраструктуры, налаживания логистики, укрепления торгово-экономического сотрудничества. Примеры тому дают и китайская инициатива «Один пояс, один путь», и индийские проекты *Go West* и *Go East*, Евразийская инициатива Республики Корея, и даже транспортно-логистические инициативы Европейского Союза. Все они ориентируются или ориентировались на укрепление политического влияния через большую экономическую вовлечённость и одновременно на продвижение своих экономических интересов через их обрамление в благоприятную политическую повестку. Ключевым вкладом таких инициатив в развитие евразийского регионализма следует признать создание и развитие его материальной базы в виде большей транспортно-логистической и экономической связанности различных регионов континента.

¹ В российских официальных документах встречаются разные варианты названия инициативы: Всеобъемлющее и Большое Евразийское партнёрство, причем в разных документах эти инициативы имеют разную конфигурацию заглавных букв. Это связано с динамикой развития инициативы и её политического определения. В данной статье понятия Всеобъемлющего и Большого Евразийского партнёрства рассматриваются как взаимозаменяемые и в целях единообразия пишутся с начальной заглавной буквы.

² Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 24.07.2023).

Российская Большая Евразия³ изначально была сосредоточена скорее на формировании идейно-политической и институциональной рамки для региональных процессов вкпе с попытками увязать большой евразийский регионализм с интеграционными проектами Москвы на постсоветском пространстве. По сути, инициаторы и теоретики формирования Большой Евразии выдвинули предложение о создании евразийского сообщества, которое в чём-то должно было напоминать евроатлантическое сообщество, но строиться на иных правилах и логике [Lukin, Novikov 2021]. По аналогии с евроатлантикой, идейно Большая Евразия должна в первую очередь способствовать преодолению и упорядочиванию региональной анархии и гармонизации подходов государств Евразии вокруг ключевых для них задач развития и безопасности. В терминах английской школы [Bull 1995] речь идёт о формировании в Евразии международного общества или, во всяком случае, его каркаса.

Углубление конфронтации с Западом и её переход в форму военного противостояния поставили под вопрос способность России выступать в качестве движителя и опоры построения такого пространства соразвития и безопасности. Односторонние экономические рестрикции, введённые западными странами против России, создают объективные трудности на пути продолжения экономического сотрудничества со странами мегарегиона, в том числе — странами-партнёрами по евразийской интеграции⁴. Возможность построения предлагаемого Москвой евразийского сообщества тем самым стала вызывать сомнения, а российские действия в этом контексте оценивались некоторыми экс-

пертами негативно с точки зрения реализации данной цели⁵.

Вместе с тем механизм формирования Большой Евразии до конца не ясен ни с теоретической, ни с практической точек зрения. Те структурные изменения, к которым привело углубление российско-западной конфронтации, могут оказаться в гораздо большей степени комплементарны задачам формирования евразийского международного сообщества и развития евразийского регионализма, чем может показаться на первый взгляд. Структурной основой для развития евразийского регионализма могут стать два фактора: необходимость растворить в регионализме растущее китайское влияние и внешний структурный нажим со стороны США⁶. Под влиянием схожих факторов, в условиях «холодной войны», формировалось и евроатлантическое сообщество. Перед западными странами тогда стояла задача амортизировать американское преобладание и консолидироваться перед лицом советской угрозы.

Международно-политическая среда середины 2020-х годов в некотором смысле повторяет эту историческую аналогию. Во всяком случае, она сочетает весьма стрессовые и структурно совпадающие с предполагаемой моделью условия: конфронтация с США и Западом практически достигла уровня конфликтности времён активной фазы Корейской войны, а необходимость амортизации и структурирования роли Китая для России, как и для ряда других его соседей, лишь возросла. Усилия российской дипломатии в обозримой перспективе будут, по-видимому, выстраиваться вокруг этих двух проблем. Ниже приводятся некоторые соображения отно-

³ Об особенностях евразийского регионализма и его взаимодействии с глобализмом см.: [Diesen 2018].

⁴ Рекеда С. Евразийская интеграция: целеполагание в условиях геополитического шторма. Клуб «Валдай». [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaya-integratsiya-tselepolaganie-v-usloviya/> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵ Быстрицкий А., Энтина Е. Фактчекинг: теряет ли Россия влияние в Центральной Азии? Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/expertise/news/801847598.html> (дата обращения: 16.02.2024).

⁶ Там же.

сительно того, в какой мере эти задачи реализуемы в русле логики развития евразийского регионализма и продвижения концепции Большой Евразии.

Между геополитикой и экономикой: какую Евразию предлагала Россия?

Какую модель евразийского регионализма Россия предлагала строить в первую пятилетку реализации⁷ инициативы Большого Евразийского партнёрства (2016–2021)? Этот вопрос нетривиален, так как на сегодняшний день так и не опубликован программный документ, который бы чётко отражал целеполагание и конкретные пути воплощения проекта в жизнь. Вопрос остаётся предметом дискуссии, в основе которой лежит изначально не детализованный характер предлагаемых Москвой инициатив. Продвигая концепцию Большой Евразии, российские представители, как правило, формулировали её конечные цели и дорожную карту реализации в достаточно общем виде для того, чтобы повысить привлекательность данной инициативы для внешних партнёров⁸.

Например, озвучивая данную инициативу на площадке Санкт-Петербургского экономического форума в 2016 году, Президент России В.В. Путин предложил «создание более широкого интеграционного контура» «с участием ЕАЭС, а также

стран, с которыми уже сложились тесные отношения... и партнёров по СНГ, и других заинтересованных государств и объединений». Само по себе создание «широкого интеграционного контура» могло означать большой диапазон возможных моделей, что открыло путь для расширительной трактовки целей, задач и формата Большого Евразийского партнёрства. Последующее оформление концепции в российском официальном дискурсе не привело к её уточнению и формулированию чёткой модели или дорожной карты по реализации российской версии евразийского регионализма. Такое положение отчасти определялось самой природой Большого Евразийского партнёрства как зонтичной инициативы, открывающей возможности для интеграции различных проектов и концепций других государств, купирования конфликтов во избежание конкуренции регионализмов [Новиков 2018].

В этих условиях уточнение содержательной стороны Большой Евразии в немалой степени ушло на экспертно-академический уровень. Период с середины 2010-х до начала 2020-х годов характеризовался интенсивной дискуссией о природе и задачах евразийского регионализма под российской эгидой с целью конкретизировать его основные параметры [Kuzmina 2017;

⁷ Стоит отметить, что формированию концепции БЕП предшествовало постепенное увеличение для Российской Федерации значимости восточного направления развития. В частности, в 2008–2009 годах начала распространяться идея «поворота на Восток» (см.: Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiyskaya-politika-povorota-na-vostok-problemy-i-riski/> (дата обращения: 11.11.2023)), в 2013 г. Президент России Владимир Путин заявлял о значительном приоритете развития Дальнего Востока РФ (см.: Путин: подъем Сибири и Дальнего Востока – приоритет РФ на весь XXI век. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20131212/983649040.html> (дата обращения: 11.11.2023)). В том же году КНР заявила о важном для будущей концепции мегаинициативе «Один пояс, один путь» (см.: Киреева 2019). Также триггером для формирования концепции БЕП стало нарастание в 2014 г. санкционного давления западных стран на Российскую Федерацию в связи с кризисом на Украине, вынуждавшее Москву искать новые пространства взаимодействия.

⁸ Хотя концепция Большой Евразии не имеет ничего общего с классической идеологией евразийства начала XX века, сама идея существования Евразии как единого пространства и его важность была сформирована именно тогда. См., например: [Вернадский 2005; Гумилёв 2007; 2009].

⁹ См. также: *Бордачёв Т.* Большая Евразия: что ещё не сделано? // Клуб «Валдай». [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-evraziya-chto-eshe-ne-sdelano/> (дата обращения: 24.07.2023); Большая Евразия: пока больше вызовов // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bolshaya-evraziya-bolshe-vyzovov/> (дата обращения: 24.07.2023).

Кефели и др. 2020]⁹. С самого начала в этом поиске начал зарождаться дуализм между привлекательной для всех государств континента повесткой развития и экономического сотрудничества, — с одной стороны, и повесткой безопасности, всё более тесно связываемой с конфронтационной геополитической динамикой, — с другой. Последняя во многом стала триггером запуска евразийской инициативы: именно после обострения конфликта с Западом в 2014 г. российский поворот на Восток начал обретать евразийские черты [Караганов 2017]. В этой связи некоторые исследователи начали рассматривать Большую Евразию как процесс прежде всего геополитической и геоэкономической консолидации, а не просто инструмент наращивания экономических связей [Diesen 2019].

Тем не менее и в официальном, и в экспертном дискурсе Большая Евразия позиционировалась в большей степени как формат открытого экономического регионализма. В частности, в программном выступлении 2016 г. один из главных академических апологетов Большой Евразии, С.А. Караганов, определял её как «общее поле экономического, логистического, информационного сотрудничества, мира и безопасности от Шанхая до Лиссабона и от Дели до Мурманска» и «создающаяся геоэкономическая общность, обусловленная тенденцией «Азия для Азии», поворотом Китая на Запад, его сопряжением с ЕАЭС, поворотом России на Восток»¹⁰. При этом специалист подчёркивал, что Большая Евразия должна оставаться инклюзивной и не строиться на антизападной или антиамериканской основе: «проект не должен быть нацелен на изо-

ляцию крупнейшего мирового игрока — США. Выбор за самой Америкой»¹¹. Другими словами, само по себе развитие евразийского регионализма в его российской формуле мыслилось как следствие естественного экономического возвышения Азии и превращения её в более самостоятельный, а не производный от Запада экономический центр с таким же естественным вовлечением западных стран в эти процессы.

Такое неконфронтационное видение в целом соответствовало внешнеэкономическим потребностям России после первой санкционной волны 2014 года, а также логике дальнейшего развития ЕАЭС и евразийской интеграции. Поясняя свою инициативу на Санкт-Петербургском экономическом форуме, российский лидер отмечал, что «начать можно было бы с упрощения и унификации регулирования в области отраслевого сотрудничества и инвестиций, а также нетарифных мер технического, фитосанитарного регулирования, таможенного администрирования, защиты прав интеллектуальной собственности, в дальнейшем постепенно двигаться к снижению, а затем и отмене тарифных ограничений»¹². Занимавший в 2016 г. пост первого вице-премьера российского правительства И.В. Шувалов пояснял, что «мы будем строить Евразийское экономическое партнёрство — оно должно быть открытым, базироваться на принципах ВТО и не носить закрытый характер»¹³.

В этой конфигурации предлагаемый Россией евразийский регионализм должен был решить две ключевые геоэкономические задачи. *Во-первых*, создать предпосылки для трансформации сотрудничества

¹⁰ Политолог Караганов: Поворот России к рынкам Азии уже состоялся // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/10/24/politolog-karaganov-povorot-rossii-k-rynkam-azii-uzhe-sostoalsia.html> (дата обращения: 24.07.2023).

¹¹ Там же.

¹² Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 24.07.2023).

¹³ Шувалов: Большое Евразийское партнёрство не будет противопоставлением ТРП // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20160905/1476106027.html> (дата обращения: 24.07.2023).

с ЕС и включения взаимодействия по линии Россия—ЕС, ЕС—ЕАЭС в общую логику развития евразийского регионализма. Во-вторых, стать внешним обрамлением ЕАЭС и дать дополнительный стимул развитию этого объединения.

В первой ипостаси Большая Евразия мыслилась как продолжение различных инициатив в русле логики Большой Европы. «Если раньше этот формат звучал как “Европа от Владивостока до Лиссабона”, то теперь он включает и Вьетнам, и Сингапур, и новый формат взаимодействия с Индонезией, это и Иран, Пакистан, Индия, Китай. Скорее всего, эта работа будет разноскоростной, разноуровневой интеграцией. Главное — договориться не по тарифам — хотя для многих стран это вопрос номер один, а договориться о том, чтобы торговая среда была безбарьерная», — пояснял ключевую геоэкономическую задачу Большой Евразии И.Г. Шувалов¹⁴.

В некотором роде предполагалось заменить отношения ЕС—Россия даже не форматом ЕС—ЕАЭС, что подразумевалось, например, в рамках озвученной в 2015 г. Берлином интерпретации идеи «интеграции интеграций»¹⁵, а форматом ЕС—Евразия, в котором ЕС больше не мог бы играть ведущей роли. В предлагаемой модели Европейский Союз рассматривался как партнёр и одновременно одна из составных частей формирующегося евразийского сообщества и составляющих его экономических процессов. Само же Большое Евразийское партнёрство, в видении российских представителей, фактически принимало форму исполтинского общеинтегрального формата «интеграции интеграций». В схожем ключе мыслил и заняв-

ший в октябре 2019 г. должность министра ЕЭК по интеграции и макроэкономике бывший советник Президента России академик С.В. Глазьев, несмотря на то что он выступал представителем совершенно иных, отличных от И.Г. Шувалова, экономических взглядов. Учёный рассматривал Большое Евразийское партнёрство как стратегию развития евразийской интеграции, указывая, что оно «предположительно должно строиться путём гармонизации национальных стратегий развития посредством усиления связности хозяйственных комплексов участвующих в нём стран» [Глазьев 2019].

В своей второй ипостаси Большая Евразия рассматривалась как инструмент продвижения норм и стандартов ЕАЭС вовне, выстраивания внешнего интеграционного контура объединения. В частности, занимавшая в 2019 г. должность министра торговли ЕЭК В.О. Никишина отмечала, что видит Большую Евразию как начало развития большого экономического пространства, основанного на свободе движения людей и капиталов и возможности соединить западную и восточную части Евразии мостом — «формирования для себя комфортной среды торговли, культурного, социального, научного и иного сотрудничества на как можно более широком пространстве»¹⁶. Результатом воплощения концепции Большого Евразийского партнёрства она рассматривала встраивание расширенного евразийского пространства в глобальные цепочки добавленной стоимости и «обеспечение понятных и выгодных для предпринимателей любого уровня условий свободной торговли на огромном пространстве»¹⁷. Данный подход нашёл

¹⁴ Шувалов: Большое Евразийское партнёрство не будет противопоставлением ТРП // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20160905/1476106027.html> (дата обращения: 24.07.2023).

¹⁵ Меркель считает возможным диалог между ЕС и ЕАЭС по экономическим вопросам — ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1717451> (дата обращения: 24.07.2023).

¹⁶ Будущее Большой Евразии и развитие торговой политики ЕАЭС // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-bolshoj-evrazii-i-razvitiye-torgovoj-politiki-eaes/> (дата обращения: 24.07.2023).

¹⁷ Там же.

отражение и в доктринальных документах ЕАЭС¹⁸.

Таким образом, Большая Евразия виделась Москвой в первую очередь как формат открытого экономического регионализма, ориентированного на формирование более благоприятной внешней институциональной и экономической среды¹⁹. Вместе с тем главной структурной предпосылкой, или, как минимум, триггером для выдвижения этой инициативы, стали геополитические обстоятельства. Объявление инициативы (равно как и сопровождавшее её упрочнение российско-китайских связей) произошло после обострения в 2014 г. российско-западных отношений. Необходимость восстановления разрушенных традиционных цепочек поставок и смещения центра экономической гравитации в сторону Евразии в условиях усиливающейся конфронтации внесла в предлагаемую Россией повестку евразийского регионализма геополитическую логику [Handbook of Eurasian Political Economy 2022: 197–212].

Среди прочего, о Большой Евразии в контексте вопросов безопасности российский президент говорил: «Убеждён, Евразия способна выработать и предложить содержательную и позитивную повестку. Это касается обеспечения безопасности, развития отношений между государствами, организации экономики, социальной сферы, систем управления, поисков новых драйверов роста»²⁰. Вместе с тем статус Большого Евразийского партнёрства как регионализма в сфере безо-

пасности напрямую российскими официальными лицами упоминался нечасто. Скорее осторожно говорили о том, что без устойчивой континентальной архитектуры безопасности затруднительно.

Гораздо более активно и открыто о Большой Евразии как платформе для континентальной архитектуры безопасности рассуждали эксперты. Уже упомянутый С.А. Караганов наряду с необходимостью создания пространства развития видел в Большой Евразии «курс на создание континентальной системы безопасности в дополнение к существующим форматам и с частичным и постепенным замещением отживших или отживающих структур»²¹. При этом он определял роль России как «объективно потенциально крупнейшего поставщика безопасности в регионе»²². Ещё один авторитетный отечественный специалист, А.В. Картунов, указывал, что «развитие экономических интеграционных процессов на территории Евразии невозможно без параллельного процесса укрепления континентальной безопасности и разрешения проблем, оставшихся в наследство от XX века и более ранних столетий»²³.

Наряду с безопасностью Большая Евразия определялась и как цивилизационный проект, о чём российский президент заявил на форуме «Один пояс, один путь» в Китае: «Большая Евразия – это не абстрактная геополитическая схема, а действительно цивилизационная инициатива, устремлённая в будущее»²⁴. Таким образом, российское позиционирование своей инициати-

¹⁸ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php?ysclid=lkclwxd1y444794027 (дата обращения: 24.07.2023).

¹⁹ См., например: [Барский, Красильников, Михневич 2021].

²⁰ Международный форум «Один пояс, один путь» // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 24.07.2023).

²¹ От поворота на Восток к Большой Евразии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.president-soviet.ru/members/blogs/post/ot_povorota_na_vostok_k_bolshoy_evrazii/ (дата обращения: 24.07.2023).

²² Там же.

²³ Картунов А. Восемь принципов Большого Евразийского партнёрства. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/> (дата обращения: 24.07.2023).

²⁴ Международный форум «Один пояс, один путь» // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 24.07.2023).

вы шло в том же направлении, что и подход Китая к продвижению своих предложений в отношении региона – изначально экономикоцентричные, они с течением времени стали позиционироваться как цивилизационные, направленные на синергию культур. Цивилизационный статус был призван, с одной стороны, поднять статус российской инициативы на более высокий уровень, а с другой – создать идейную основу для культурно-гуманитарного трека сотрудничества.

Таким образом, выдвигание Всеобъемлющего евразийского партнёрства стало ключевым российским мегапроектом, включающим в себя предыдущие региональные инициативы и при этом направленным на гармоничное взаимодействие с аналогичными проектами дружественных Российской Федерации региональных игроков. Предлагаемый Москвой евразийский регионализм, несмотря на превалирование экономической повестки дня, органично вписывался в логику российско-западной конфронтации и был ориентирован на стабилизацию и регулирование её самой и её последствий, в том числе экономическими методами (через институциональное и экономическое вовлечение Европы). При этом евразийское партнёрство рассматривалось Москвой как комплексная инициатива: экономика, безопасность, культурно-цивилизационное единение с фокусом на развитии торгово-экономического сотрудничества.

Что сделано: дискурсивная экспансия Большой Евразии

На фоне широкого и многослойного концептуального наполнения практическое развитие Большого Евразийского партнёрства в 2010-х – 2020-х годах оказалось скромным. Оно характеризовалось тремя основными чертами и одновременно направлениями развития:

1) логика развития Большого Евразийского партнёрства оказалась тесно переплетённой с российско-китайскими отношениями и инициативой «Один пояс, один путь»;

2) институционализация Большой Евразии протекала посредством внедрения в уже существующие многосторонние форматы создаваемого нарратива относительно инициативы;

3) ключевыми форматами продвижения идей Большой Евразии стали ЕАЭС, ШОС, а также двусторонние российско-китайские отношения и взаимодействие по линии Китай–ЕАЭС. При этом включение этого нарратива в деятельность других многосторонних форматов, а также принятие его логики другими евразийскими государствами оказались ограниченными, хотя и имелись определенные успехи.

Создание благоприятных условий для устойчивых отношений с Китаем с самого начала стало одной из ключевых задач евразийских инициатив России, в какой-то степени даже более важной, чем балансирование Запада. Отечественный китаист А.В. Лукин указывал, что для развития евразийского регионализма необходимо «понять значение этого региона и думать о нём стратегически, а не использовать незападное направление внешней и внешнеэкономической политики ситуативно», «проводить такую экономическую политику, которая, обеспечив ускоренный экономический рост, подкрепила бы претензии на роль одного из центров мировой политики»²⁵. Решение этих задач подразумевало баланс в отношениях с Китаем, предполагающий сотрудничество с крупнейшей азиатской экономикой при сохранении возможности проводить независимую политику.

Некоторые западные исследователи и вовсе рассматривали Большое Евразийское партнёрство как преимущественно российско-китайский проект, направлен-

²⁵ Замысел о большой Евразии // Независимая газета. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-03-04/7_7523_ideas.html?ysclid=lkcm3146dk213167775 (дата обращения: 24.07.2023).

ный на укрепление двусторонних связей и снижение геополитических противоречий. Например, один из ведущих немецких специалистов по России, Ханс-Йоахим Шпангер, указывал: «Центральная Азия была одной из областей, в которой в течение некоторого времени сохранялась опасность открытого конфликта, где интересы Китая в его “марше на Запад” напрямую пересекались с особыми интересами России... Но совместное заявление “о сотрудничестве и сопряжении строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути” даёт понять, что Россия и Китай не хотят, чтобы этот спорный вопрос перерос в открытый конфликт»²⁶. Кроме этого, исследователь указал на асимметрию экономических возможностей стран, создающую не самую выгодную для России роль — «использование в качестве тарана».

Такие оценки являются, пожалуй, слишком прямолинейными для описания российско-китайских отношений. В то же время экономическое возвышение КНР действительно объективно меняло и меняет международное окружение России²⁷, что и заставляет Москву стремиться к включению этих процессов в общую логику евразийских инициатив. Снова сошлёмся на экспертную оценку А.В. Лукина: «Китай будет всё больше теснить Россию, он уже стал главным торговым партнёром большинства стран региона. Это никак не угрожает безопасности России, однако её статус как отдельного экономического центра Евразии может попасть под сомнение»²⁸. В этих условиях Москва, формулируя свои евразийские инициативы, придерживалась подхода

«если ты не можешь чему-то противостоять — это необходимо возглавить».

Данный подход нашёл отражение в усилиях Москвы по сопряжению китайской инициативы «Одного пояса, одного пути» и российских инициатив в области построения евразийского регионализма. В рамках данной логики предполагалось, что китайские проекты составят объективную экономическую базу Большой Евразии, а российские инициативы дополняют их политическим содержанием и нормативно-институциональным оформлением. В 2016 году, выступая на Восточном экономическом форуме, В.В. Путин подчёркивал, что именно через сотрудничество ЕАЭС и Китая «создаётся основа для всеобъемлющего евразийского партнёрства в формате “пять плюс один”»²⁹. В дальнейшем именно с Китаем Москва сумела сформировать наиболее институционализированный формат реализации своих евразийских инициатив.

В сущности, идея евразийского регионализма была обозначена уже в Совместном заявлении о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП, подписанном за год до официального объявления Большого Евразийского партнёрства. В частности, в нём было указано, что стороны «будут предпринимать согласованные усилия по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути» и «налаживать совместную работу в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего — на площадке ШОС, твёрдо придерживаясь принципов транспарентности, взаимного уважения, равноправия, взаимодополняемости различных интеграционных

²⁶ Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шёлковом пути // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/povorot-rossii-na-vostok-povorot-kitaya-na-zapad-vzaimodejstvie-i-konflikty-na-shyolkovom-puti/> (дата обращения: 24.07.2023).

²⁷ Больше о влиянии экономических инициатив КНР в регионе см.: [Хейфец 2020].

²⁸ Замысел о большой Евразии // Независимая газета. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-03-04/7_7523_ideas.html?ysclid=lkcm3146dk213167775 (дата обращения: 24.07.2023).

²⁹ Восточный экономический форум // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52808> (дата обращения: 24.07.2023).

механизмов и открытости для всех заинтересованных сторон в Азии и Европе»³⁰. Упоминание ШОС и «всех заинтересованных сторон в Азии и Европе» в документе, посвящённом ЕАЭС и ЭПШП, указывало на то, что Москва и Пекин видели развитие регионального сотрудничества далеко за пределами двух инициатив.

Тем не менее более активное принятие Пекином российской формулы евразийского регионализма уже в виде Большого Евразийского партнёрства пришлось на 2018–2019 годы. В 2018 г. в ходе визита российского президента в КНР в итоговом заявлении была декларирована «проработка вопросов создания Евразийского партнёрства на основе принципов открытости, транспарентности и взаимного учёта интересов в целях продвижения интеграционных процессов в регионе»³¹. Итогом этой проработки стало взаимное признание Россией и Китаем мегаинициатив друг друга и, соответственно, принятие Пекином логики Большой Евразии как одного из ориентиров своей региональной политики.

В Совместном заявлении о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, подписанном сторонами в 2019 г. в Санкт-Петербурге, указывалось, что «Стороны считают, что инициатива “Один пояс, один путь” и идея Большого Евразийского партнёрства могут развиваться параллельно и скоординированно, будут способствовать развитию региональных объединений, двусторонним и многосто-

ронным интеграционным процессам на благо народов Евразийского континента»³². Конечной целью этого сопряжения называлась «глубокая интеграция и сближение: стратегическое взаимодействие и тесная координация в вопросах сопряжения национальных стратегий развития, расширение взаимовыгодного торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, укрепление дружественных связей между народами России и Китая, взаимобогащение и сближение культур»³³.

Вовлечение Пекина в развитие Большой Евразии имело в себе две важные черты. *Во-первых*, отчётливо наблюдается то, что, принимая логику российских инициатив, Китай поддерживал их экономикоцентричность. Например, в подписанном в 2015 г. Совместном заявлении прямо указывалась цель «обеспечить поступательный и устойчивый экономический рост в регионе, активизировать в нём экономическую интеграцию и сохранить региональный мир и развитие»³⁴. Фокус на экономической составляющей содержался и в последующих совместных декларациях. В этом отражается логика китайской внешней политики, которая и декларативно, и во многом на практике сохраняет упор на экономическое развитие.

Во-вторых, выстраивание особых отношений с Китаем по линии развития Большого Евразийского партнёрства не сопровождалось каким-либо институциональным строительством и интеграционными инициативами. Усилия Москвы

³⁰ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 24.07.2023).

³¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5312> (дата обращения: 24.07.2023).

³² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 24.07.2023).

³³ Там же.

³⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 24.07.2023).

были сосредоточены скорее на объяснении Пекину сути российских инициатив и стремлении к тому, чтобы китайское руководство признало общую логику Большой Евразии в качестве ориентира для в том числе своей политики на континенте, закрепления этих достижений в совместных документах. На этом направлении Россия сумела добиться немалых успехов, хотя интернализация евразийской повестки в китайском внешнеполитическом мышлении пока остаётся достаточно ограниченной [Novikov, Bocharova 2023].

Такой же подход можно было наблюдать и на международных площадках. Будучи зонтичной инициативой, Большое Евразийское партнёрство не создавало собственных институтов, которые бы воплощали эту инициативу на международном уровне, но стремилось влиять на повестку других, уже существующих или создаваемых форматов.

Концепция Большой Евразии естественным образом была включена в логику развития ЕАЭС. Например, в Стратегических направлениях развития Евразийской интеграции до 2025 г. указывалась необходимость продвижения сопряжения организаций в рамках Большого Евразийского партнёрства, таких как Шанхайская организация сотрудничества, АСЕАН, инициатива «Одного пояса, одного пути». Выступая на Евразийском промышленном конгрессе «Интеграция», министр ЕЭК по интеграции и макроэкономике С.Ю. Глазьев заявлял, что «углубление и расширение евразийской интеграции происходит на фоне крупномасштабных структурных

изменений мировой экономики. Центр её развития перемещается в Азию. На длинной волне роста нового технологического уклада глобальным экономическим лидером становится Китай. Сопряжение реализуемой им международной программы «Один пояс, один путь» с ЕАЭС создаёт прекрасные возможности для рывка наших стран в развитии экономики на передовой технологической основе»³⁵.

Крупнейшей международной площадкой, на которой России удалось закрепить международное признание Большой Евразии, стала ШОС. В частности, в 2019 г. Бишкекская декларация организации заявляла, что «государства-члены считают важным использовать потенциалы стран региона, международных организаций и многосторонних объединений в интересах формирования в *Евразии* [здесь и далее курсив Д. Н. и К. Г.] пространства широкого, открытого, взаимовыгодного и равноправного сотрудничества в целях обеспечения надежной безопасности и устойчивого развития...»³⁶. В предшествующей Циндаоской декларации³⁷ Евразия не упоминалась, а роль географического индикатора играло понятие «пространство ШОС». Евразийское пространство продолжает фигурировать и конкретизироваться в более поздних документах. В 2020 г. в Московской декларации государства-участники ШОС: «отметили инициативу Российской Федерации о создании Большого Евразийского партнёрства с участием стран ШОС, ЕАЭС, АСЕАН, а также других заинтересованных государств и многосторонних объединений»³⁸. Аналогичные формули-

³⁵ Кирилл Барский: Есть надежда, что «Большая Евразия» позволит помирить и объединить ЕС и страны Евразии // Международная жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24168?ysclid=ldg360o35s150044631> (дата обращения: 24.07.2023).

³⁶ Шанхайская организация сотрудничества (2019). Бишкекская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsco.org/documents> (дата обращения: 24.07.2023).

³⁷ Шанхайская организация сотрудничества (2018). Циндаоская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsco.org/documents> (дата обращения: 24.07.2023).

³⁸ Шанхайская организация сотрудничества (2020). Московская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsco.org/documents> (дата обращения: 24.07.2023).

ровки вошли также в Душанбинскую³⁹ и Самаркандскую декларации⁴⁰. Таким образом, логика широкого евразийского регионализма присутствовала в повестке ШОС в контексте совместной деятельности по стабильному развитию и обеспечению безопасности. При этом в Нью-Делийскую декларацию⁴¹ 2023 г. абзац с упоминанием Большого Евразийского партнёрства не вошёл, хотя ни одно государство—участник организации не заявляло о неприятии инициативы.

Концепция Большой Евразии находит отражение и в официальных дискурсах других организаций. Например, по итогам 4-го саммита Россия—АСЕАН в 2021 году было сделано совместное заявление, в котором стороны заявили об «изучении возможностей сотрудничества в между АСЕАН, ЕАЭС и ШОС в рамках *Большого Евразийского партнёрства...*», «подчёркивают практическую ценность “взаимосвязанности взаимосвязанностей” в Азиатско-Тихоокеанском регионе, зоне Индийского океана и *Большой Евразии...*», а также «способствовать и содействовать развитию сотрудничества с целью поддержки развития взаимосвязанности между народами АСЕАН и *Евразии...*»⁴².

Таким образом, ключевым достижением развития инициативы Большой Евразии стала её дискурсивная экспансия на ряд узловых площадок: ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, российско-китайское стратегическое партнёрство. Отличительными особенностями

использовавшейся риторики оставалось подчёркивание открытости инициативы, того, что Большая Евразия по своей логике включает в себя ЕС и широкий круг стран Азии и Ближнего Востока. Таким образом, Россия, по крайней мере идеологически, закрепляла за собой роль логистического и институционального моста между Европой и Азией и пыталась заложить концептуальное ядро развития широкого евразийского регионализма. События 2022 г. поставили вопрос — в каком направлении Большая Евразия будет развиваться дальше?

Большая Евразия в новых условиях: от дискурсивной экспансии к реализации?

Начало специальной военной операции в феврале 2022 г. ознаменовало разворот в российской внешней политике, который не мог не отразиться и на её мегаинициативе. Можно было предположить, что, отвлекшись на военные действия, Россия свернёт усилия по продвижению евразийского регионализма. Между тем Москва, напротив, поспешила дать сигнал о своей готовности нарастить усилия на этом направлении. В частности, министр иностранных дел С.В. Лавров заявил, что развитие Большой Евразии — «флагманский внешнеполитический проект» России, пояснив, что «речь идёт о содействии объективному процессу формирования широкого интеграционного контура, открытого для всех государств и объединений нашего континента»⁴³. При этом нельзя отрицать,

³⁹ Шанхайская организация сотрудничества (2021). Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectscsco.org/documents> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴⁰ Шанхайская организация сотрудничества (2022). Самаркандская декларация Совета глав государств—членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectscsco.org/documents> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴¹ Шанхайская организация сотрудничества (2023). Самаркандская декларация Совета глав государств—членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectscsco.org/documents> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴² Совместное заявление 4-го саммита Россия—АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5725> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴³ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на заседании Комиссии Генсовета партии «Единая Россия» по международному сотрудничеству и поддержке соотечественников за рубежом, Москва, 19 июня 2023 года / Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1889118/ (дата обращения: 24.07.2023).

что в новых геополитических условиях реализация столь амбициозной инициативы наталкивается на ряд трудностей.

Во-первых, санкционное давление на Россию объективно осложнило развитие экономического сотрудничества Москвы как с ближайшими соседями, так и с дальним зарубежьем. Увеличение санкционных барьеров и попытка экономической изоляции России стали долгосрочной политикой Вашингтона. Об этом свидетельствовал, в частности, визит заместителя министра финансов США в столицы центральноазиатских стран в апреле 2023 года⁴⁴. Данное обстоятельство заставило некоторых экспертов говорить о как минимум трудностях, которые испытывает ЕАЭС и, соответственно, российская повестка по выстраиванию экономического регионализма в целом⁴⁵. Обсуждается и возможное формирование геоэкономической биполярности, консолидация в условиях внешнего давления российско-китайского экономико-технологического блока [Спартак 2024].

Во-вторых, геополитическая конфронтация с Западом изменила восприятие политики самой России извне, стимулировала подозрения в том, что инициативы Москвы будут увязываться с этой конфронтацией. По данным исследователь-

ского центра Пью (Pew Research Center), общественное восприятие в 24 крупных странах российской политики и руководства, а также выстраивания экономического сотрудничества оказалось в 2022 г. самым низким за десятилетие наблюдений⁴⁶. Впрочем, проведённое исследование не охватывало общественное мнение большинства стран незападной Евразии (на которую во многом и направлены российские инициативы), а те государства, которые вошли в данный анализ⁴⁷, демонстрируют скорее неоднозначное отношение. Например, восприятие России индийским обществом даже улучшилось на 8 п.п. — с 49 до 57%. Вне зависимости от негативного или позитивного окраса оценок Россия стала восприниматься как прежде всего военно-политическая держава, политика которой подчинена противостоянию с Вашингтоном. В этих условиях от Москвы логичнее было бы ожидать предложений по созданию военных союзов и партнёрств, а не экономических инициатив.

О намерении балансировать, исполняя западные санкции и сохраняя при этом экономическое сотрудничество с Россией на разных уровнях, открыто заявили практически во всех столицах центральноазиатских стран⁴⁸. Ещё большей, хотя и менее вероят-

⁴⁴ Media Advisory: Sanctions-Related Travel by Senior Treasury Department Officials // U.S. Department of the Treasury. [Электронный ресурс]. URL: <https://home.treasury.gov/news/featured-stories/media-advisory-sanctions-related-travel-by-senior-treasury-department-officials> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴⁵ См., например: Союз под напряжением: как санкции против России влияют на ЕАЭС // Forbes.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/462891-souz-pod-naprazeniem-kak-sankcii-protiv-rossii-vliut-na-eaes?ysclid=lckmkcvb9i317331489> (дата обращения: 24.07.2023); Что происходит с ЕАЭС на фоне конфликта России и Запада // Профиль. [Электронный ресурс]. URL: <https://profile.ru/politics/chto-proishodit-s-eaes-na-fone-konflikta-rossii-i-zapada-1215801/> (дата обращения: 24.07.2023); ЕАЭС в условиях экономической войны: как развивать международные связи // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/eaes-v-ekonomicheskoy-vojne/> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴⁶ Chavda J. 2. Overall opinion of Russia // Pew Research Center's Global Attitudes Project. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2023/07/10/overall-opinion-of-russia/> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴⁷ В исследование вошли: США, Канада, Польша, Швеция, Испания, Нидерланды, Великобритания, Германия, Франция, Италия, Венгрия, Греция, Япония, Австралия, Южная Корея, Индия, Индонезия, Израиль, ЮАР, Кения, Нигерия, Бразилия, Аргентина и Мексика.

⁴⁸ Например: Токаев пообещал следовать санкционному режиму против России. [Электронный ресурс] // РБК. 2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/09/2023/651580c69a7947350ee3ef00> (дата обращения: 16.02.2024); ЕС поблагодарил Узбекистан за обещание по санкциям против России. [Электронный ресурс] // РБК. 2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/04/2023/644aa88a9a79472d08d24352> (дата обращения: 16.02.2024).

ной, угрозой виделся переход российской политики к попытке создания в условиях конфронтации с Западом военно-политического блока под своей эгидой⁴⁹. В такой конфигурации предлагаемая Москвой Евразия действительно стала бы по сути попыткой собрать незападный геополитический полюс в условиях новой «холодной войны» — о таких тенденциях в России говорили и раньше [Karaganov 2018].

В этих условиях российское руководство быстро обозначило отсутствие намерения отказаться от преимущественно экономического характера Большого Евразийского партнёрства и линии на развитие открытого регионализма. В частности, уже 5 апреля 2022 г. заместитель председателя Совета Безопасности Дмитрий Медведев заявил, что, начав боевые действия на Украине, Москва преследует цель «построить открытую Евразию — от Лиссабона до Владивостока»⁵⁰. Это заявление по сути продолжало линию на позиционирование Большой Евразии как пространства развития более сбалансированного партнёрства России и ЕАЭС с ЕС. Характерно при этом, что Д. Медведев указал в качестве географического пространства Большой Евразии характерную для 2000-х годов формулу «от Лиссабона до Владивостока», не включив в это пространство Китай и Азию («...до Шанхая, ... до Сингапура»). Это в определённой степени отражало сохранившуюся европоцентричность внешней политики и евразийских инициатив России, во всяком случае среди части элит.

Более системное изложение российского видения будущего Всеобъемлющего евразийского партнёрства было сформулировано Президентом России в ходе Евразийского экономического форума в мае

2022 года. Идея по созданию Большой Евразии стала центральной темой выступления российского лидера: «Большое Евразийское партнёрство призвано изменить политическую и экономическую архитектуру, стать гарантом стабильности и процветания на всём континенте и, конечно, при учёте многообразия моделей развития, культур и традиций всех народов»⁵¹.

Избранная площадка — Евразийский экономический форум — и содержание выступления иллюстративны. Подтверждая своё стремление продолжить реализацию Всеобъемлющего евразийского партнёрства, Москва стремилась сосредоточиться на привлекательной экономической повестке и не затрагивать чувствительные вопросы безопасности, которые ранее пунктирно намечались в описании Большой Евразии. Экономика дополнялась лишь абстрактной цивилизационной составляющей инициативы: «Большая Евразия — это без преувеличения большой цивилизационный проект, и главная идея заключается в создании общего пространства равноправного сотрудничества для региональных организаций».

Ключевым практическим предложением российского лидера стало указание на необходимость конкретной стратегии по реализации инициативы: «Назрело время сформировать комплексную стратегию развития Большого Евразийского партнёрства, и она должна отражать ключевые международные вызовы, стоящие перед нами, а также определять перспективные цели, содержать инструменты и механизмы для их достижения»⁵². Российский президент также добавил, что «необходимо про-

⁴⁹ Например: Russia, China, and America: The New Battle for Eurasia. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/06/04/russia-china-us-geopolitics-eurasia-strategy/> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵⁰ Медведев: Спецоперация даст возможность построить открытую Евразию // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/04/05/medvedev-specoperaciia-dast-vozmozhnost-postroit-otkrytiu-ევრასიუ.html?ysclid=lk8fj5ls9x72194866> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵¹ Первый Евразийский экономический форум // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68484> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵² Там же.

думать дальнейшие шаги по развитию системы торговых и инвестиционных соглашений, в том числе – с участием государств–членов ШОС, АСЕАН и БРИКС»⁵³.

Выступление российского президента на Евразийском экономическом форуме 2022 г. не только подтвердило сохранение Большого Евразийского партнёрства в качестве одного из ключевых российских внешнеполитических приоритетов, но и стало одним из самых развёрнутых пояснений логики реализации проекта. В частности, на высшем уровне была сформулирована задача выработки комплексной стратегии реализации с соответствующими механизмами обсуждения и имплементации решений. Была чётко обозначена институциональная инфраструктура инициативы.

Роль одного из главных институциональных ядер, судя по риторике высших российских должностных лиц, по-прежнему отводилась Евразийскому экономическому союзу. Например, в обращении российского президента к главам государств–членов ЕАЭС в январе 2023 г. была ясно обозначена связка между ЕАЭС и БЕП: «Наше объединение может сыграть роль одного из ключевых центров формирования Большого Евразийского партнёрства»⁵⁴. При этом Москва, пожалуй, ещё более активно, чем раньше, указывала на ШОС и АСЕАН как ключевые институциональные опоры российской инициативы на континенте. Симптоматично и упоминание БРИКС, ранее не фигурировавшего в жёсткой привязке к БЕП в силу участия в блоке Бразилии и Южной Африки, географически удалённых от Евразии. Это

показывает, что в глазах российского руководства ШОС, БРИКС и Большая Евразия совместно рассматриваются как ключевые институты и инициативы, объединяющие незападный мир.

В развёрнутом заявлении МИД России «О российской инициативе Большого Евразийского партнёрства» от 15 июня 2023 г. подчёркивалась и экономикоцентричность инициативы, и возможная институциональная инфраструктура: «БЕП, ядро которого могут составить ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, использует также возможности таких дополняющих форматов, как китайская инфраструктурная инициатива ОПОП, может создать необходимые предпосылки для превращения Евразии в единое общекейновое пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания»⁵⁵. При этом документ задавал шесть основных направлений развития сотрудничества:

- сеть международных торговых и инвестиционных соглашений;
- общее транспортное пространство;
- единая сеть экономических коридоров и зон развития;
- цифровое измерение;
- энергетическое пространство;
- финансовое измерение.

В целом описанная конфигурация содержательного наполнения инициативы Большой Евразии практически не претерпела изменений, представляя собой конкретизацию идей, сформулированных ещё в 2016 г. (например, в описании проекта, данном российским президентом на Восточном экономическом форуме, было четыре направления сотрудничества⁵⁶,

⁵³ Первый Евразийский экономический форум // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68484> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵⁴ Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина к главам государств–членов Евразийского экономического союза // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70380> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵⁵ О российской инициативе Большого Евразийского партнёрства // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/ (дата обращения: 24.07.2023).

⁵⁶ Восточный экономический форум // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52808> (дата обращения: 24.07.2023).

которые легко разбиваются на приведённые шесть).

Ключевыми изменениями после февраля 2022 г. следует признать акцент на незападной Евразии: ранее российские чиновники практически при каждом упоминании этого проекта подчёркивали возможность и даже желательность присоединения Европейского Союза, чего нельзя ожидать после начала специальной военной операции. Кроме того, стало наблюдаться осторожное отношение к вопросу дальнейшего развития евразийской архитектуры безопасности как неотъемлемого элемента Большой Евразии.

Впрочем, оба эти нюанса едва ли стоит переоценивать с точки зрения эволюции Большого Евразийского партнёрства как инициативы. Например, в ходе выступления на конференции «Евразийский выбор как основа укрепления суверенитета» С.В. Лавров заявил, что логика российской инициативы «оставляет “дверь открытой” для подключения всех без исключения структур и отдельных стран нашего общего огромного континента»⁵⁷, намекая на возможность подключения и стран ЕС. Там же он отметил, что «экономика должна стать основой, на которой в дальнейшем будет выстраиваться архитектура мира, безопасности и взаимного доверия»⁵⁸. Инициатива, таким образом, по-прежнему видится в Москве открытой для европейских государств, хотя это и не говорится столь прямо и часто. Необсуждаемый публично на высшем уровне вопрос построения на базе Большого Евразийского партнёрства архитектуры континентальной безопасности также стоит на повестке, хотя и подчёркивается, что она должна стать естественной надстройкой над экономической базой. То есть к серьёзному обсуждению этого измерения предполагается перейти позже, веро-

ятно, в новых, более ясных стратегических условиях.

Это, впрочем, не означает, что российская инициатива не претерпела содержательных изменений и не адаптируется к новым геополитическим условиям.

Активизация продвижения Большого Евразийского партнёрства в почти неизменном виде сама по себе является механизмом адаптации российской политики к новым условиям. Россия как бы различает два аспекта своей политики. Специальная военная операция и военно-политическая конфронтация с Западом проводятся Москвой без привлечения союзников. При этом российское руководство стремится не допустить милитаризации других аспектов своей внешней политики. Большое Евразийское партнёрство как наиболее амбициозная инициатива символизирует собой неизменность российской политики на других направлениях, не касающихся непосредственно проблем на и вокруг Украины. Акцентируя сохраняющееся стремление развивать открытый формат евразийского регионализма, Москва подчёркивает и стратегическую неизменность своей политики: военное столкновение на Западе — это одно измерение, а задача построения системы континентального экономического сотрудничества — другое, и оно не зависит от отношений с США и ЕС.

Было бы целесообразно подумать о переходе обсуждения Большой Евразии с других площадок на созданную специально под эту инициативу — условно, Форум Большой Евразии. Базой для него мог бы стать существующий Евразийский экономический форум. Пока он в значительной степени сконцентрирован на проблемах ЕАЭС, что существенно сужает и число участников, и повестку дискуссии. Обсуждение более широкой интеграционной перспективы является скорее фоновым и

⁵⁷ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на международной межпартийной конференции «Евразийский выбор как основа укрепления суверенитета», Москва, 14 декабря 2022 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1843867/ (дата обращения: 24.07.2023).

⁵⁸ Там же.

ведётся между Россией и её партнёрами по интеграции, без весомого присутствия представителей других евразийских государств.

Между тем для продвижения Большой Евразии как флагманской внешнеполитической инициативы Москва нуждается в большой и политически статусной площадке, сходной с Форумом ОПОП, на которой можно было бы собирать представителей со всего континента. Это по меньшей мере подчеркнуло бы серьёзность российских намерений, а также послужило бы эффективной основой выработки комплексной стратегии реализации Большого Евразийского партнёрства, о которой говорил президент России. Распределённое обсуждение Большой Евразии на разных мероприятиях: Санкт-Петербургском, Восточном и Евразийском экономических форумах, других деловых и экспертных форматах, не даёт такого эффекта.

При этом, по-видимому, неизбежным наряду с обсуждением экономического измерения является диалог о формировании в Большой Евразии соответствующей архитектуры безопасности. Площадкой для такого диалога может и должна стать ШОС, как наиболее представительная структура в области безопасности, охватывающая большую часть континентального пространства. Ограничителем на этом пути выступает неготовность многих государств обсуждать проблемы жёсткой безопасности ввиду высокой степени конфликтности этой темы. Вместе с тем отсутствие такого диалога в ШОС серьёзно снижает потенциал организации. Вступление в организацию Ирана и перспектива присоединения Белоруссии делают такое обсуждение ещё более актуальным — первый может при-

внести в ШОС ближневосточные проблемы, а вторая — вопросы, связанные с европейской безопасностью. Вероятно, оптимальным было бы осторожное обсуждение перспектив создания комплексной архитектуры евразийской безопасности на экспертном уровне, используя потенциал Форума ШОС и других площадок.

Наконец, целесообразно более активное подключение к выработке стратегии и реализации Большого Евразийского партнёрства экспертного сообщества и в более широком смысле — гражданского общества. Пока идеи по развитию Большой Евразии мало обсуждаются и в самой России, не говоря о других странах континента. Превращение этой концепции в осознанный обществом внешнеполитический ориентир существенно облегчит достижение такой амбициозной и важной цели.

* * *

Подводя итог, можно сказать, что реализация концепции Большой Евразии была поставлена в зависимость от отношений между Россией и Западом. Её претворение в жизнь осложнено усиливающейся геополитической конфронтацией со странами Запада, и текущие результаты реализации инициативы остаются скромными. Однако сложность положения может послужить стимулом к тому, чтобы уточнить и конкретизировать данную инициативу, а также включить её в качестве одного из инструментов консолидации не-Запада в систему внешнеполитических приоритетов России. Иными словами, несмотря на сложности, с которыми сталкивается сегодня проект Большой Евразии, у него всё ещё сохраняется потенциал для развития в будущем.

Список литературы

- Барский К.М., Красильников С.Р., Михневич С.В. Продвигая инициативу Большого Евразийского партнёрства: совпадение интересов государств, бизнеса и международных институтов // *Международная жизнь*. 2021. №10. С. 4–19.
- Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии: звенья русской истории. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. 339 с.
- Гумилёв Л.Н. История Евразии. М.: ЭКСМО, 2009. 1072 с.
- Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: АСТ, 2007. 608 с.

- Глазьев С.Ю. Большое Евразийское партнёрство: созидая новый мир // *ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика*. 2019. №1. С. 18–20.
- Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии // *Международная жизнь*. 2017. №5. С. 6–19.
- Кефели И.Ф., Колбанев М.О., Малафеев О.А., Плебанек О.В. Проект «Большая Евразия» в контексте междисциплинарного дискурса // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2020. №14(4). С. 88–102. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-4-88-102>
- Киреева А.А. Инициатива «Один пояс, один путь»: содержание, причины выдвижения, значение // *Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы* / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. С. 551–580.
- Новиков Д.П. Большое Евразийское партнёрство: возможное региональное влияние и интересы России // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2018. № 3 (13). С. 82–96. DOI: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-03-05>.
- Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / Под ред. А.В. Лукина, В.И. Якунина. М.: Весь Мир, 2019. 416 с.
- Спартак А. Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2023. №4. С. 9–34. DOI: [10.24412/2072-8042-2023-4-9-35](https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-4-9-35)
- Хейфец Б. Каким маршрутом пойдёт Россия по одному непростому китайскому пути (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2020. 62 с.
- Bull H. *Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. Springer. 1995. 329 p.
- Diesen G. *Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia*. Routledge & CRC Press, 2018. 206 p.
- Handbook of Eurasian Political Economy / ed. by A. Bulatov, E. Pak. Moscow: Aspect Press, 2022. 316 p.
- Karaganov S. The new Cold War and the emerging Greater Eurasia // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. No. 2 (9). P. 85–93. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.002>
- Kuzmina E.M. «Great Eurasia»: interests and possibilities of Russia at interaction with China // *Post-Soviet Issues*. 2017. No. 3 (4). P. 229–239.
- Lukin A., Novikov D. Sino-Russian rapprochement and Greater Eurasia: From geopolitical pole to international society // *Journal of Eurasian Studies*. 2021. No. 1 (12). P. 28–45.
- Novikov D., Bocharova A. Eurasia in Russian and Chinese political expertise: A comparative analysis // *Journal of Eurasian Studies*. 2023. No. 2(12). P. 1–18. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/18793665211000057>

GREATER EURASIA IN THE NEW COLD WAR CHALLENGE OR OPPORTUNITY?

DMITRY NOVIKOV

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy Studies, Moscow, 117218, Russia

KIRILL GORENKIN

HSE UNIVERSITY, Moscow, 119017, Russia

Abstract

The Greater Eurasian Partnership project, put forward back in 2016, has become one of Russia's key initiatives to build its version of a broad regionalism covering a significant part of the continent. The launch of the Special Military Operation and the deepening of the Russian-Western confrontation has created and continues to create huge structural changes in the global and regional international system. It also brings serious adjustments to Russia's foreign policy, its objective capabilities and subjective perception of its initiatives. The aim of this study is to determine the prospects of the Greater Eurasia

concept under the changing geopolitical conditions of 2016–2022. It provides a brief overview of the conditions in which Eurasian regionalism developed during the period under review; traces the development of the Greater Eurasia concept in Russian official and expert discourse, shows how the ideological content of the initiative developed, how the initially widely interpreted concept crystallised; considers the achievements in the implementation of the concept, among which the most prominent is the "narrative expansion" on various international platforms, including not only within the framework of the EAEU promoted by Russia, but also within the framework of the Eurasian Economic Union. In order to fulfil the objectives of this study, the authors relied on the analysis of statements of public figures of the Russian Federation and other states at international events and publicist literature, analytical articles in scientific journals and press, official documents and statements of international organisations. The main conclusion of the study is the ambiguity of the situation in which the concept of Greater Eurasia has found itself under conditions of increasing geopolitical confrontation and the relatively modest results of its implementation in recent years. At the same time, one cannot help but notice that the increasingly complex conditions can be an incentive for the evolution and concretisation of the concept, as well as the adaptation of the foreign policy leadership's approach to its implementation. Thus, we can say that despite the difficult conditions, the concept can still claim to be a great future.

Keywords:

foreign policy of Russia; Eurasian regionalism; Greater Eurasia; international security; international society; SCO; geostrategy.

References

- Barskii K.M., Krasil'nikov S.R., Mikhnevich S.V. (2021). Prodvigaya initsiativu Bol'shogo Evraziiskogo partnerstva: sovpadenie interesov gosudarstv, biznesa i mezhdunarodnykh institutov [Promoting the Greater Eurasian Partnership Initiative: Aligning the Interests of States, Business and International Institutions]. *International Life*. No. 10. P. 4–19.
- Bulatov A., Pak E. (eds) (2022). *Handbook of Eurasian Political Economy*. Moscow: Aspect Press. 316 p.
- Bull H. (1995). *Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. Springer. 329 p.
- Diesen G. (2018). *Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia*. Routledge & CRC Press. 206 p.
- Glaz'ev S.YU. (2019). Bol'shoe evraziiskoe partnerstvo: sozidaya novyi mir [The Greater Eurasian Partnership: Creating a New World]. *Evrasiiskaya Integratsiya: ehkonomika, pravo, politika*. No. 1. P. 18–20.
- Gumilev L.N. (2007). *Ritmy Evrazii: ehpokhi i tsivilizatsii* [Rhythms of Eurasia: epochs and civilizations]. Moscow: AST. 608 p.
- Gumilev L.N. (2009). *Istoriya Evrazii* [History of Eurasia]. Moscow: EHKSMO. 1072 p.
- Karaganov S.A. (2017). Ot povorota na Vostok k Bol'shoi Evrazii [From Turning East to Greater Eurasia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 5. P. 6–19.
- Karaganov S. (2018). The new Cold War and the emerging Greater Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*. No. 2 (9). P. 85–93. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.002>
- Kefeli I.F., Kolbanev M.O., Malafeev O.A., Plebanek O.V. (2020). Proekt "Bol'shaya Evraziya" v kontekste mezhdistsiplinarnogo diskursa [The Greater Eurasia Project in the Context of Interdisciplinary Discourse]. *Evrasiiskaya integratsiya: ehkonomika, pravo, politika*. No. 14(4). P. 88–102. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-4-88-102>
- Kheifets B. (2020). *Kakim marshrutom poidet Rossiya po odnomu neprostomu kitaiskomu puti* [Which route Russia will take along one difficult Chinese path]. Moscow: Institut ehkonomiki RAN. 62 p.
- Kireeva A.A. Initsiativa «Odin poyas, odin put'»: soderzhanie, prichiny vydvizheniya, znachenie [The "One Belt, One Road" Initiative: Content, Reasons, and Significance]. In: Voskresenskij A.D. (ed.) *Model' razvitiya na Evraziiskom prostranstve i perspektivy ikh sopryazheniya* [Paths and belts of Eurasia. National and international development projects in the Eurasian space and prospects for their conjugation]. Moscow: Ves' mir. 416 p.

- Novikov D. P. (2018). Bol'shoe evraziiskoe partnerstvo: vozmozhnoe regional'noe vliyanie i interesy Rossii [The Greater Eurasian Partnership: Possible Regional Influence and Russia's Interests]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ehkonomika*. No. 3 (13). P. 82–96. DOI: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-03-05>.
- Novikov D., Bocharova A. (2023). Eurasia in Russian and Chinese political expertise: A comparative analysis. *Journal of Eurasian Studies*. No. 2(12). P. 1–18. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/18793665211000057>
- Spartak A. (2023). Pereformatirovanie mezhdunarodnogo ehkonomicheskogo sotrudnichestva Rossii v usloviyakh sanktsii i novykh vyzovov [Reformatting Russia's International Economic Cooperation in the Context of Sanctions and New Challenges]. *Rossiiskii vneshneehkonomicheskii vestnik*. No. 4. P. 9–34. DOI: [10.24412/2072-8042-2023-4-9-35](https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-4-9-35)
- Vernadskij G.V. (2005). *Opyt istorii Evrazii: zven'ya russkoj istorii* [Record of Eurasian history: links of Russian history]. Moscow: KMK. 339 p.